

Библиотека Всемирной Литературы

АРКАДИЙ АВЕРЧЕНКО

Рассказы

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Как меня оштрафовали

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=619695*

Аннотация

«... Проснулся я потому, что почувствовал около кровати присутствие постороннего лица.

Но, открыв глаза, увидел свою ошибку: это был не посторонний человек, а околоточный. Полиция никогда не бывает посторонней.

Я послал ему рукой приветствие и терпеливо спросил:
– Сколько? ...»

Содержание

I	4
II	9

Аркадий Аверченко

Как меня оштрафовали

I

Проснулся я потому, что почувствовал около кровати присутствие постороннего лица.

Но, открыв глаза, увидел свою ошибку: это был не посторонний человек, а околоточный. Полиция никогда не бывает посторонней.

Я послал ему рукой приветствие и терпеливо спросил:

– Сколько?

– Двести пятьдесят.

– Что вы, милый! Хотите десять?

– Помилуйте! Я не имею права торговаться.

– Ну да, – кивнул я головой. – Вы сейчас скажете: жена, дети, всеобщая дороговизна... Знаем!

– Помилуйте, я вам сейчас могу предъявить и постановление...

Обеспокоенный, я поднялся на локте.

– Позвольте... Да вы о чем?

– А вы? – улыбнулся околоточный.

– Я о...

– Ничего подобного! Я бы не стал так настойчиво... Вы

просто как редактор журнала оштрафованы...

– Просто оштрафован? Ну, тогда, конечно, ничего...

– ...И мне нужно взыскать с вас деньги.

– Вот это уже сложнее... Это не просто. Дело в том, видите ли, что мне бы ужасно не хотелось платить вам денег.

– Можно не платить, – успокоительно сказал околоточный.

– Вот видите! Ну, спасибо. Садитесь, пожалуйста!

– Можно не платить, – повторил околоточный, усаживаясь. – Так как штраф с заменой арестом на полтора месяца, то, если отсидеть, – ничего платить и не придется.

– Встаньте! – сердито сказал я. – Вы, кажется, уселись на мой сюртук. Вы уверены, что это я оштрафован? Может быть, кто-нибудь другой?

– Именно вы. Да это ничего! Теперь ведь всех штрафуют.

– Милый мой, – сентенциозно возразил я. – Все люди в конце концов умирают... Но если вы на этом основании захотите отрезать мне вашей шашкой голову, я буду энергично сопротивляться. Хотите пятьдесят?

– Что?

– Пятьдесят рублей. Хорошие деньги! На пятьдесят рублей можно обмундировать целого городского... Или седло с уздечкой для лошади купить.

– Не могу-с. Приказано взыскать полностью.

– Однако вы тяжелый человек! Ну, ладно. Как-нибудь, когда будут свободные деньги, отдам. Зимой, когда начнется

сезон... Заходите, милости просим...

– Нет-с, зимой нельзя. Нужно сейчас.

– Почему же? Я заплачу проценты за отсрочку. Я готов даже рассматривать это как ломбардную ссуду под известную ценность. Я думаю, что известную ценность я представляю?

– Нет, мы ожидать не можем.

– Боже ты мой! Можно подумать, что вы весь свой бюджет строите на этих несчастных двухстах пятидесяти рублях! Хотите так: я вам внесу сразу пятьдесят рублей и потом еженедельно...

– Извините, не можем.

– Гм... А в тюрьме у вас хорошо кормят?

– Обыкновенно.

– Вот это и плохо, что обыкновенно. Я должен обязательно отсидеть полтора месяца?

– Конечно.

– Извините меня, но я считаю это неправильным. Нужно, штрафую, считаться с положением человека. Пятьдесят дней моей жизни считаются вами ценностью, равной двумстам пятидесяти рублям. То есть один мой день оценивается в пять рублей. Но знаете ли вы, милый мой, что ежедневный заработок в среднем у меня равняется пятидесяти рублям?! Хотите – пять дней отсижу, а больше – не получите ни одного часочка.

– Этого мы не можем.

Тогда я попытался обратиться к его здравому смыслу.

– Что вам за польза, если я буду сидеть? Если заключение должно способствовать исправлению данного субъекта – вы меня не исправите. Я останусь таким же, каким был. Хотите меня обезвредить? Стоит ли обезвреживать на полтора месяца. Тем более что в тюрьме я все равно буду придумывать темы для своих рассказов. Зачем же еще вам нужно так добиваться лишения меня свободы? Не заставляйте же меня думать, – патетически заключил я, – что это должно быть актом вашей личной мести! Личная месть в политике – фи!

– Да если не хотите сидеть, можно просто уплатить деньги.

– Удивительно, господа, у вас все это просто. Весь мир представляется вам математической формулой: дважды два – четыре. А скажите... Пошли ли бы вы на такую комбинацию: я дам вам сто рублей, а на остальные полтораста досижу.

– Нет, это невозможно.

– Вот люди, с которыми каши не сваришь! Почему невозможно? Какая разница вам, если вы все равно получаете все целиком, но в двух сортах. Обед из двух блюд гораздо приятнее обеда из одного блюда. Нечего там думать, соглашайтесь.

– Не знаю, что вам и сказать. Таких вещей еще никто нам не предлагал.

– Не предлагали, потому что привыкли к шаблону. А у меня все комбинации совершенно свежие и никем не заезженные. Если бы вы хорошенько уяснили мою мысль, вы пошли бы мне навстречу. Можно даже сделать так: сегодня у

меня, скажем, есть свободные десять рублей, я посылаю их вам и считаю себя на два дня свободным. Завтра, наоборот, у меня есть свободный денек. Что же я делаю? Я захожу куда следует, отсиживаю, а вы отмечаете у меня в книжке (можно завести такую расчетную книжку), что пять рублей уплачено натурой. И мне незаметно, и вам неубыточно. К осени, глядишь, рассчитаемся.

Но логика на полицию не действует. Околоточный вздохнул и сказал со свойственной ему простотой:

– Если до двенадцати часов завтра не внесете денег, придется вас арестовать.

– У вас нет сердца, – с горечью прошептал я. – Хорошо... Завтра я дам вам ответ.

Околоточный посидел еще четверть часа, побранил свое начальство (надо заметить, что околоточные всегда ругают начальство; любопытно, что приставы этого не делают) и ушел, цепляясь шашкой за все углы столов и ножки стульев.

II

Когда я вышел в столовую, все уже знали о постигшей меня каре.

Тетка осмотрела меня с тайным страхом и сказала:

– Допрыгался? Мало вашего брата в Швейцарии, так еще и тебе надо.

– В какой Швейцарии?

– В такой. Сегодня бежишь?

– Что вы там такое говорите... Здравствуй, Сергей.

Мой кузен, юный студент, пожал мне руку и сказал сочувственно:

– Вот он, режим-то! Но ты не смущайся, брат. Вся мыслящая часть общества на твоей стороне. Пойди-ка сюда, я тебе что-то скажу!

Он отвел меня к окну и шепнул:

– Будь спокоен! Мы тебе устроим побег. Дай только нам два-три месяца сроку... У меня есть пара товарищей-головорезов, которые с помощью подкопа...

– Будет поздно! – печально сказал я.

– О боже! Я догадываюсь! Ты не выдержишь тяжести заключения и с помощью веревки, скрученной из простыни...

– Да нет, просто меня уже выпустят. Всего ведь полтора месяца!

– Жаль... А то бы...

Я отошел к столу, взял сдобную булку, откусил кусочек... и вскрикнул:

– Ох, черт! Что это такое... Тут можно все зубы поломать...

Я оглядел булку: кто-то искусно засунул в нее тоненькую пилу, обрывок веревочки и записку.

В записке стояло:

«С помощью этого перепили окно и спустись вниз, на расстоянии нескольких ядров тебя будет ждать лошадь, на которой скачи на юг. Живым не сдавайся».

Странное слово «ядров», напыщенность слога и пара орфографических ошибок сразу обнаружили автора – десятилетнего Борьку, моего племянника.

Я выплюнул изо рта пилочку, выбросил веревку, съел булку и, допив чай, ушел гулять.

Когда шел по двору, прачка Анисья выбежала из подвала, застенчиво сунула мне в руку две копейки и, пролепетав: «Помолись за меня, несчастненький», убежала.

Дело стало казаться не таким мрачным.

Теперь для полного расчета с правительством не хватало только 249 рублей 98 копеек.

В кафе встретили меня друзья. Они были очень озабочены моим положением и предложили целый ряд выходов.

Оказывается, положение мое было не безвыходным. Можно было:

1) Бежать в Аргентину.

2) Захватить околоточного вместо заложника и отпустить его только тогда, когда мне гарантируют свободу.

3) Бежать на Капри.

4) Забаррикадироваться в квартире и отстреливаться.

Лучший мой друг расспрашивал, не было ли у меня в роду алкоголиков, убийц, развратников и вообще преступников? Он же снял мою шляпу и, ощупав голову, нашел признаки несомненной дегенерации и деформирования черепа.

На другой день утром пришел мой старый друг – околоточный.

– Ну как? – спросил он.

– Решил сесть.

– Ну... пожалуйста! Пойдем.

– Кандалов не наденете?

– Нет, не стоит.

– Может, обыск сделаете?

– Зачем же! Раз нет предписания.

– Тюремная карета подана?

– Какая там карета... На извозчике поедем.

– Ну, милый мой, – раздраженно сказал я. – Раз во всем этом нет тюремной кареты, ни кандалов, ни мрачной поэзии, ни тюремщиков, вталкивающих в подземелье, ни крыс на каменном полу – я отказываюсь! Я решил заплатить штраф.

– Платите, – равнодушно согласился околоточный.

– Вот вам. Это шестимесячный вексель. Вы учтете его и...

– Нет, извините. Нужно наличными.

– Да почему? Неужели вы думаете, что вам не учтут векселя? Любой банк сделает это. В особенности если вы еще найдете там, в банке, какие-нибудь санитарные погрешности...

– Нет, вексель мы не принимаем.

– Боже, какой вы нудный человек! Ну, получайте ваши «наличные», и надеюсь, что наши дороги надолго разойдутся в разные стороны. Прощайте!

И, платя деньги, я постарался всучить ему самые потерянные, запятнанные и измятые кредитки... Я твердо помнил, что принадлежу к оппозиции.

P.S. Может быть, мой рассказ и возмутит кого-нибудь из оппозиционно настроенных граждан, возмутит легкостью тона и той шутливостью, которая не подходит, которая неуместна при столкновении с такими серьезными, мрачными вещами, как штраф и арест.

Но боже мой! Ведь в этом шутливом тоне и смехе, может быть и кроется единственный выход из еще более некрасивого положения, когда человек беспомощно плачет, стонет и вообще разливается в три ручья.